Искра Божья, или Как воспитать гения

Автор:
Кристин Барнетт

Искра Божья, или Как воспитать гения

Кристин Барнетт

Эта книга – свет в конце тоннеля для всех матерей, которые устали бороться с предрассудками общества. Ее написала Кристин Барнетт, мать Джейкоба Барнетта, мальчика, которому в возрасте двух лет поставили диагноз – аутизм. Кристин понимала, что сын все больше уходит в себя, теряя связи с окружающими и внешним миром. Она решила отбросить ограничения, которые мешают ее сыну развиваться, и сконцентрировалась на том, что действительно интересно Джейкобу. Результат не заставил себя долго ждать: сегодня у Джейкоба уровень IQ выше, чем у Эйнштейна, он обладает фотографической памятью и невероятными способностями к естественным наукам. В двенадцать лет он начал работу над оригинальной теорией об астрофизике, которая, по мнению экспертов, в будущем может принести ему Нобелевскую премию. Кристин Барнетт не хвастает способностями своего ребенка, а делится опытом, рассказывает о том, как воспитать мужчину из маленького потерянного мальчика.

Кристин Барнетт

Искра Божья, или Как воспитать гения

The Spark

Copyright © 2013 by Kristine Barnett

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Имена многих детей и их родителей в данной книге изменены, также изменены некоторые биографические данные. Несколько персонажей носят собирательный характер.

Посвящается Майклу, который совершал невозможное каждый день.

А также всем тем, кому приходилось слышать в свой адрес, что они не способны это сделать.

Предисловие

Я сижу в последнем ряду университетской аудитории. Идет занятие по физике. Студенты небольшими группами толпятся у досок белого цвета, которые расположены вдоль боковых стен лекционного зала, они готовы приступить к решению заданного сегодня уравнения.

Работа идет урывками. Студенты много пишут, потом стирают, потом пишут снова. Когда группы студентов принимаются спорить, я отыскиваю взглядом моего девятилетнего сына. Он недалеко от входа в аудиторию весело и непринужденно разговаривает с профессором.

Чувствуется, как у студентов нарастает чувство неудовлетворенности. Наконец мой сын пододвигает к белой доске стул и залезает на него. Даже стоя на нем, он поднимается на цыпочки и вытягивает руку. Он впервые видит это уравнение, как, впрочем, и все остальные студенты в аудитории, но сын не тратит время на размышление. Наоборот, он быстро и четко выводит фломастером буквы и цифры, они так и сыплются из-под его руки. Вскоре уже все в аудитории следят за действиями маленького мальчика в бейсбольной кепке, повернутой козырьком назад.

Мой сын не замечает, что присутствующие не отрывают от него взглядов, потому что он счастлив погрузиться в мир чисел и символов, заполняющих доску. Их число растет с невероятной скоростью: пять строчек, затем десять, потом уже пятнадцать… В конце концов ему приходится перейти к доске по соседству.

Проходит совсем немного времени, и мой сын уже беседует с членами своей команды, он объясняет им и задает наводящие вопросы так, как это сделал бы преподаватель. Серьезная дама, чьи волосы аккуратно заплетены в косу, отделяется от группы студентов и подходит ближе, чтобы лучше слышать то, что говорит сын. К ней присоединяется сутулый молодой человек, который все более энергично кивает по мере того, как начинает понимать, о чем идет речь.

За считаные минуты все студенты, которые находятся в головной части аудитории, окружают моего малыша. А когда он указывает на определенную тонкость, которую нашел в уравнении, даже не скрывает свою радость и пользуется случаем похвастаться. Студент с бородой громко задает ему какой-то вопрос. Я перевожу взгляд на профессора, тот стоит, опираясь на стену, и улыбается. Теперь, когда студенты поняли задачу, они продолжили работу в своих группах и их маркеры задвигались все быстрее и быстрее. Но нельзя было не заметить напряжения, которое выдавали их позы и жесты. Ни один человек в аудитории не любил это уравнение так, как любил его мой сын.

Наконец студентов отпустили, и аудитория стала понемногу пустеть. Мой сын собирает маркеры и оживленно обсуждает с однокурсником новую

баскетбольную видеоигру, которая нужна им обоим. Пока они поднимаются по ступенькам ко мне, профессор подходит и протягивает мне руку:

– Миссис Барнетт, мне очень приятно, что Джейк мой студент. Он помогает другим проявлять лучшие качества, ведь ребята не привыкли заниматься таким образом. Честно говоря, я не уверен, что сам способен угнаться за ним!

Я смеюсь вместе с профессором:

– О боже! Вы только что повторили мои слова, я так же говорю о своей жизни.

Меня зовут Кристин Барнетт, моего сына Джейка считают гением математики и естественных наук. Он начал изучать курс старшей школы по математике, астрономии и физике в возрасте восьми лет, а когда ему исполнилось девять, его приняли в университет. Некоторое время спустя он начал работать над своей оригинальной научной темой в области теории относительности. Уравнения были такими длинными, что не помещались на огромной белой доске, и Джейк продолжал писать их на оконном стекле у нас дома. Я не знала, как ему помочь, поэтому спросила Джейка, не знает ли он кого-нибудь, кому можно было бы показать его работу; известный физик, с которым я связалась от имени Джейка, великодушно согласился просмотреть ранние записи мальчика. Он подтвердил, что Джейк действительно предложил совершенно оригинальную теорию, и добавил: если мальчику удастся обосновать эту теорию, он сможет претендовать на Нобелевскую премию.

В то лето, когда Джейку исполнилось двенадцать лет, ему предложили оплачиваемую работу в должности исследователя в области физики в университете. Это была его первая работа в летнее время. Две недели спустя он разрешил важную научную теоретическую проблему, и его статью на эту тему позднее опубликовали в научном журнале самого высокого уровня.

Несколькими месяцами раньше, весной того же года, в небольшой местной газете появилась малюсенькая заметка о том, каким сокровищем мой муж Майкл и я обладаем. Совершенно неожиданно за этим сообщением последовала статья в более крупном издании. А потом лужайку перед нашим домом заполнили люди с камерами. Телефон не умолкал: звонили режиссеры, ведущие ток-шоу, представители национальных СМИ, агентств по работе с талантами, издатели,

представители элитных высших учебных заведений. Цель у всех была одна: взять интервью у Джейка.

Я чувствовала себя неловко. Честно признаюсь, что в то время мы с Майклом и понятия не имели, почему так много людей заинтересовалось нашим сыном. Конечно, мы знали, что Джейк одаренный мальчик. Мы понимали, что его способности к математике и естественным наукам выше средних, а то, что он учится в старших классах, нельзя считать нормой. Но для Майкла и меня гораздо большее значение имело совсем другое: то, что у Джейка вполне приличный удар при подаче во время игры в бейсбол, что у него есть свой узкий круг друзей-ровесников, которые тоже любят играть в видеоигру «Гало», смотреть фильмы у нас на полуподвальном этаже, и то, что у него есть подружка (он меня убьет за то, что я проболталась об этом).

Эти обычные в жизни Джейка вещи для нас были самыми замечательными. Поэтому, когда нами заинтересовались средства массовой информации, мы были несколько обескуражены. Но поняли, как не правы, только поговорив с репортерами и прочитав или услышав о статьях, которые они написали. Дело было в том, что потребовалось сделать нас центром внимания, чтобы показать нам с Майклом, что наша жизнь с сыном изменилась.

Видите ли, все эти репортеры не понимали, что Джейк обладает особым невероятным умом, который замечателен тем, что его как бы нет. Когда все они появились на нашей лужайке, Джейк жил с диагнозом аутизм, который ему поставили в два года. Мы, не имея возможности помочь ему, наблюдали, как наш подвижный, не по годам развитый малыш постепенно перестал говорить, погружаясь прямо у нас на глазах в свой собственный мир. Прогнозы, которые давали нам врачи, очень быстро перешли от мрачных к ужасающим. Когда ему исполнилось три года, специалисты были уверены, что надеяться нам остается на единственное: наш сын сможет завязывать шнурки на ботинках годам к шестнадцати.

Эта книга – рассказ о том, как мы прошли весь этот путь, что пришлось преодолеть рядом с нашим замечательным сыном. Но для меня это прежде всего рассказ о силе надежды и поразительных возможностях, которые появляются, если наш мозг открыт для восприятия, и о том, как научиться раскрывать истинный потенциал, который спрятан в каждом ребенке.

Путь длиной 1 дюйм или десять тысяч миль

Ноябрь 2001 года

ДЖЕЙК – ВОЗРАСТ ТРИ ГОДА

– Миссис Барнетт, я бы хотела поговорить с вами о карточках с буквами алфавита и картинками, которые вы даете в школу Джейкобу.

Мы с Джейком сидим у нас в гостиной вместе с его особой учительницей, прикрепленной государством. Джейк больше всего любит эти яркие карточки и привязан к ним так же, как другие дети, случается, привязываются к старым игрушечным медвежатам или уютным потертым одеялам, под которые они прячутся, когда что-то их пугает. Карточки продавали перед кассой магазина «Супер-Таргет», где я делала покупки. Другие дети старались незаметно подсунуть коробки с хлопьями или конфеты в тележки с продуктами, которые везли их матери, тогда как в моей тележке каким-то непостижимым образом материализовались только эти так любимые Джейком карточки с алфавитом, причем их становилось все больше и больше.

– Что вы! Я не даю ему эти карточки специально. Джейк сам берет их, когда выходит. Мне даже иногда приходится отбирать их у него, чтобы надеть на него рубашку. Он даже спать с ними ложится!

Учительница Джейка ерзает на диване.

– Мне кажется, вам следует понять, что можно ожидать от Джейкоба, миссис Барнетт. Наша цель – научить его обслуживать себя в рамках программы по жизнеобеспечению. Мы в основном должны сосредоточиться на том, чтобы помочь ему когда-нибудь научиться самостоятельно одеваться. – Ее голос звучал корректно, но достаточно жестко, по крайней мере, было ясно, что она хочет сказать.

– Да, да, конечно, я знаю об этом. Мы работаем дома, развиваем и эти навыки тоже. Но ему очень нравятся эти карточки…

– Извините, миссис Барнетт. Я хочу сказать, что вам вряд ли стоит беспокоиться о том, что Джейку понадобится алфавит.

И тогда я наконец осознала, что учительница моего сына пыталась заставить меня понять. Она хотела убедиться, что я четко представляю себе цели программы по жизнеобеспечению. Она не сказала, что я слишком поторопилась с алфавитными карточками. Она сказала, что нам никогда не придется беспокоиться о том, знает Джейк алфавит или нет, поскольку они уверены: он никогда не сможет читать.

Момент был ужасающим, да еще это произошло в тот год, когда подобных ситуаций было достаточно много. Джейку совсем незадолго до этого поставили диагноз: аутизм, а я в конце концов поняла, что совершенно неясно, когда Джейк достигнет определенных рубежей, которые обязательны для любого ребенка (да и будет ли это вообще). В течение почти целого года я неумолимо приближалась к принятию вопиющей, безжизненной неуверенности аутизма. Я находилась как бы в стороне, наблюдая, как исчезают многие навыки Джейка, такие как чтение и способность говорить. Но я не собиралась позволить кому бы то ни было поставить крест на потенциальных возможностях этого ребенка в таком раннем возрасте: ему едва лишь исполнилось три года, и болен он аутизмом или нет, не имело принципиального значения.

Как бы там ни было, я не питала особых надежд, что Джейк когда-нибудь научится читать, но я также не могла допустить и того, чтобы кто-то посмел устанавливать ограничительные рамки, да еще такие низкие, в том, что мы можем ожидать от этого ребенка. Тем утром мне показалось, что учительница Джейка захлопнула перед ним дверь в будущее.

Ужасно для родителя действовать, отвергая рекомендации профессионалов, но глубоко в душе я знала, что, если Джейка направят к специалисту, он замкнется. Поэтому приняла решение следовать собственным инстинктам и обрела надежду, а не потеряла ее. Я решила не тратить время впустую, пытаясь переубедить учителей и врачей в его школе. Не стала уговаривать их изменить мнение или методы. Я не хотела выступать против системы или заставлять испытывать то, что считала правильным для Джейка, на других детях. Вместо того чтобы нанимать юристов, экспертов и адвокатов, стремясь получить то, что было нужно Джейку, я предпочла давать это непосредственно ему. Я приняла решение делать все, что считала необходимым для того, чтобы помочь ему раскрыться полностью – к чему бы это ни привело. В результате мне пришлось

принять самое ужасное в моей жизни решение. Это означало идти против экспертов и даже против моего мужа, Майкла. Тогда же я решила поддержать увлечение Джейка. Возможно, он именно таким образом, с помощью своих любимых алфавитных карточек, пытался научиться читать, а может быть, и нет. Как бы там ни было, вместо того чтобы забрать их у него, я постаралась, чтобы они всегда у него были и столько, сколько ему хотелось.

Тремя годами раньше я пришла в дикий восторг, когда узнала, что беременна. В свои двадцать четыре года я мечтала стать матерью, да и сколько себя помню, всегда хотела иметь детей.

Будучи еще маленькой девочкой, я осознавала, что дети, несомненно, займут особое место в моем будущем. Да и все, кто окружал меня, понимали это. Дома меня называли Крысоловом, потому что, куда бы я ни шла, за мной по пятам всегда следовали малыши, ожидавшие приключений. Мой брат Бенджамин родился, когда мне было одиннадцать лет, и с самого своего рождения всегда был где-то рядом. К тому времени, как мне исполнилось тринадцать лет, я слыла самой известной нянькой-воспитательницей для всей округи. А в четырнадцать уже отвечала за воскресную школу при нашей церкви. Словом, никто и не удивился, когда я пошла работать няней с проживанием, чтобы помочь оплатить свое обучение в колледже. Затем, после того как вышла замуж, я открыла свой собственный детский центр дневного пребывания – мечта всей моей жизни. Я всегда была рядом с детьми и теперь ждала не могла дождаться, когда появится на свет мой собственный ребенок.

К сожалению, путь к появлению Джейка был не из легких. Хотя я и была еще достаточно молода, беременность с самого начала пошла как-то не так. У меня поднялось очень высокое давление, спровоцировавшее состояние, которое называют поздним токсикозом беременных, это нередко встречается и может привести к неприятным последствиям как для матери, так и для ребенка. Моя мама помогала мне с детским центром, поскольку я более всего беспокоилась о будущем ребенке. Но беременность находилась под все большей и большей угрозой, и врачи опасались, что случится выкидыш и преждевременные роды. В конце концов они настолько обеспокоились моим состоянием, что предписали мне строгий постельный режим. Но даже при этом меня госпитализировали девять раз.

За три недели до предполагаемой даты рождения ребенка меня срочно отвезли в больницу, и на этот раз роды не удалось отсрочить. Существовала целая цепь

проблем, и исход событий представлялся очень туманным. Лица акушеров и медсестер, которые заполняли родильный зал, становились все более напряженными. Майкл сказал, что именно в тот день он и понял, какой сильной и целеустремленной я могу быть. Я тогда об этом не знала, но мой врач отвел Майкла в сторону и сказал, что роды проходят не совсем благополучно и ему нужно подготовиться: похоже, домой он сможет вернуться либо с женой, либо с ребенком, но не с обоими.

Я запомнила лишь одно – в разгар всего этого неясного шума, ощущения боли и страха рядом со мной вдруг появился Майкл, он держал меня за руку и смотрел прямо в глаза. Он стал как луч прожектора для меня, точно собирая, фокусируя всю мою сущность. Мне показалось, что на нас как будто была направлена кинокамера, и весь шум и гам вокруг исчез. Для меня в тот момент существовал только Майкл, невероятно сильный и абсолютно уверенный в том, что я его слышу.

– Сейчас вопрос не о двух жизнях, Крис, а о трех. Мы пройдем через все это вместе. Мы должны это сделать.

Не помню, такие ли точно слова он произнес или просто посмотрел мне в глаза, но его посыл пронзил туман ужаса и боли, который окутывал меня. Он заставил меня понять всю глубину его любви ко мне и почерпнуть в ней силу. Майкл был настолько уверен, что в моих силах выбрать жизнь, что это стало реальностью. И каким-то волшебным образом, как мне показалось, он за это обещал мне быть источником силы и счастья для меня и нашего ребенка до конца своих дней. Он был как будто капитаном корабля во время страшной бури, который приказал мне сосредоточиться и выжить. И я выжила.

То ли так было в действительности, то ли мне показалось, но я услышала, как он обещал, что в нашем доме каждый день будут живые цветы. Майкл знал, что я всегда безумно любила цветы, но букет от флориста был для нас непозволительной роскошью, и мы могли позволить себе такое только по очень большим праздникам. Тем не менее на следующий день, когда я уже держала нашего новорожденного малыша на руках, Майкл подарил мне самые красивые розы, которые я когда-либо видела в жизни. С того дня прошло тринадцать лет, но, что бы ни случилось, каждую неделю я получаю живые цветы.

Нам повезло – это было истинное волшебство. Тогда мы не могли этого знать, но это был далеко не последний раз, когда наша семья проходила проверку на

прочность и выигрывала несмотря ни на что. Наверное, только в романах люди рассуждают о любви, которая делает возможным все. Но у нас с Майклом именно такая любовь. Даже когда мы не соглашаемся друг с другом, наша любовь – надежная пристань в бурных водах. Я уверена, что именно сила любви Майкла помогла мне и сыну выжить в тот день, когда Джейк родился, и сделала возможным все то, что случилось потом.

Покидая родильный дом, Майкл и я чувствовали, что у нас есть все, о чем мы когда-либо могли мечтать. Уверена, что каждая новая семья чувствует себя так же, но мы действительно были самыми счастливыми людьми на планете.

По дороге домой с нашим абсолютно новым свертком мы остановились, чтобы подписать последние документы на получение ипотеки на покупку нашего первого дома. С помощью моего легендарного дедушки Джона Генри мы переезжали в скромный домик в конце тупиковой улицы на рабочей окраине в штате Индиана, где я также смогла бы продолжить свой бизнес. Я посмотрела поверх украшенной волосиками головки Джейка на сияющего от счастья Майкла и внезапно вспомнила, что только благодаря интуитивной прозорливости моей сестры мы с Майклом нашли друг друга – наша первая встреча была полным провалом и не обещала ничего хорошего.

Мы с Майклом встретились, еще когда учились в колледже. Наша якобы случайная встреча фактически была результатом интриг моей сестрицы Стефани, которая очень любит совать свой нос повсюду. В полной тайне от меня она посчитала необходимым сыграть роль свахи – абсолютная глупость, поскольку у меня не было ни малейшего желания гоняться за кем-то из ряда вон выходящим. Даже наоборот, я очень надеялась, что вскоре будет объявлено о моей помолвке с потрясающим молодым человек по имени Рик, моим принцем на белом коне, и от одной только этой мысли у меня кружилась голова. Мы были на седьмом небе от счастья, и я твердо верила – это навсегда.

У Стефани тем не менее было «предчувствие» по поводу меня и одного молодого человека, с которым она училась в одной группе на курсе ораторского мастерства. Молодой человек не обладал блестящими способностями, но в нем было нечто такое, что заряжало энергией, и моя сестра была уверена, что у нас с ним родство душ. Так у нее родилась идея нас познакомить.

Однажды днем она устроила ловушку. Я была занята в ее туалетной комнате, прихорашиваясь перед свиданием с Риком: мне предстоял выбор из по меньшей

мере двадцати различных оттенков губной помады и восьми пар туфель на выход. Наконец я выплыла из туалетной комнаты и обнаружила, что молодой человек, стоящий передо мной, вовсе не мой друг, а некто, кого я вижу впервые. И тогда в своей малюсенькой студии, придумывая различные небылицы, Стефани представила мне Майкла Барнетта.

Я смутилась, так как не предвидела появления неожиданного гостя, и взглянула на сестру, ожидая объяснений. Она отвела меня в сторону и прошептала мне на ухо что-то совершенно бессмысленное. Что она якобы специально пригласила этого молодого человека, чтобы мы с ним познакомились. Она даже позвонила моему другу и попросила его отменить наше с ним свидание на тот вечер. Сначала я просто онемела и не могла сказать ни слова. Постепенно до меня дошло, что Стефани попыталась сыграть роль Купидона, и мне показалось, что она просто сошла с ума. Кому же может прийти в голову мысль знакомить девушку с кем-то, когда ее друг вот-вот сделает ей предложение?

Я была просто в ярости. Мы с ней были воспитаны не так, чтобы могли себе позволить крутить любовь с несколькими молодыми людьми одновременно. Фактически я ни с кем не встречалась до тех пор, пока не поступила в колледж. Нас также учили не поступать нечестно, не обманывать кого бы то ни было. Что она себе думает? Но, как бы мне ни хотелось накричать на нее или выбежать из квартиры, нам были привиты хорошие манеры, и Стефани рассчитывала на это.

Я подала руку молодому человеку, который был, так же как и я, всего лишь пешкой в игре Стефани, и села рядом с ним и сестрой в гостиной. Последовал натянутый разговор, хотя меня это мало занимало. Когда я посмотрела на молодого человека, оценивая его в первый раз, отметила его бейсболку, которую от надел козырьком назад, яркие глаза и козлиную бородку-эспаньолку. Мне почему-то показалось, что, имея такую заурядную, непривлекательную внешность, он не может быть личностью. Большего контраста с моим строго официальным другом, который был выпускником элитной частной подготовительной школы, не могло и быть.

Почему Стефани захотелось нас познакомить? Я была деревенской девушкой из семьи, которая поколениями вела скромный, простой образ жизни. Рик показал мне иной мир – мир, в котором существовали пентхаусы – апартаменты под крышей небоскреба, станции технического обслуживания автомобилей, каникулы, проводимые на горнолыжных курортах, и вернисажи. Не то чтобы все это имело первостепенное значение. Стефани могла бы привести самого Брэда

Питта в свою гостиную, но я все равно разозлилась бы на нее за то, что она пренебрежительно отнеслась к нашим взаимоотношениям. Но контраст между этим взъерошенным студентом колледжа и тем блистательным молодым человеком, от которого за версту пахло достатком и с которым я встречалась, заставил меня задуматься, чем руководствовалась моя сестрица, когда знакомила нас.

Я попыталась было найти укромное местечко в ее малюсенькой студии, но Стефани быстро разыскала меня и принялась распекать. «Что за манеры? – потребовала она ответа. – Если хочешь, можешь высказать мне все позже, но покажи молодому человеку, что ты умеешь вести беседу достойным образом». Я понимала, что она абсолютно права, и мне было стыдно. Так грубо разговаривать с человеком, который впервые оказался в доме – с гостем! – было просто недопустимо. Вежливость и любезность – эти два качества воспитывались в нас с момента нашего появления на свет нашими родителями, бабушками и дедушками, а также тем обществом, в котором мы выросли. Как я могла быть настолько бесчувственной?

Сгорая от стыда, я вернулась в комнату, села за стол и извинилась перед Майклом. Я объяснила ему, что встречаюсь с молодым человеком и мне совсем непонятно, о чем думала Стефани, устраивая нашу встречу. Конечно, я сержусь не на него – только на сестру за то, что поставила нас обоих в такое неловкое положение. Когда все разъяснилось, мы посмеялись над нелепой идеей Стефани и пришли в восторг от ее упорства в стремлении устроить свидание. Напряжение, царившее в комнате, постепенно спало, и мы втроем продолжали непринужденную беседу. Майкл рассказал мне о своих занятиях и о задумках относительно сценария фильма. Именно тогда я и увидела то, что Стефани хотела мне показать. Такой страстности и напористости, которые буквально преобразили Майкла, когда он заговорил о своем сценарии, я никогда и ни в ком прежде не видела. Он высказывался совсем как я! У меня даже желудок сжался и закружилась голова. Через мгновение я поняла, что мое будущее, такое определенное всего лишь несколько минут назад, будет совсем не таким, как я планировала. Я не выйду замуж за моего друга. Хотя он замечательный человек, наши отношения не будут продолжаться. У меня не было выбора. Я была знакома с Майклом Барнеттом менее часа, но с уверенностью, которую невозможно объяснить и которой невозможно сопротивляться, уже знала, что свою жизнь проведу именно с ним. Мы с Майклом отправились в кафе и проговорили всю ночь напролет. Может, это и звучит сентиментально, но и он и я чувствовали, что встретились с кем-то, кого давно потеряли. С Майклом я чувствовала себя так, как дома. Обручение состоялось через три месяца, а еще

три месяца спустя мы поженились. Но и теперь, через шестнадцать лет замужества, мне так же необходимо и непреложно быть рядом с Майклом, как и тогда, той невероятной ночью, когда мы встретились.

Остальные члены моей семьи не приняли Майкла сразу и безоговорочно, также они не приветствовали наш стремительный роман и поспешное обручение. Что же случилось с их умненькой-разумненькой доченькой? Даже Стефани, на которой лежала ответственность за нашу встречу, теперь была обеспокоена и поражена не меньше остальных. Да, Стефани чувствовала, что просто не может не познакомить нас, но не понимала, как за такое короткое время у нас появилась уверенность, что эта встреча на долгие годы – до конца жизни. Мы были очень разные, и это сразу бросалось в глаза: я выросла в сельской местности, и меня старались всячески уберечь от трудностей, у меня были глубокие религиозные корни и уверенность в том, что любящие родственники всегда придут на помощь. Что же касается Майкла, то это был городской парень, выросший далеко не в лучшем районе Чикаго, и его жизнь в семье была отнюдь не безоблачной.

Я бы никогда не посмела выйти из дома, даже если мне нужно было сделать пару шагов до ближайшего магазина, не удостоверившись, что моя прическа безупречна, тогда как Майкл в кожаном пиджаке и увлеченный идеями нонконформиста совершенно не заботился о том, как он выглядит. Для меня дом и семья всегда имели огромное значение. Когда я росла, в нашем доме скорее можно было бы встретить разгуливающего по кухне цыпленка, чем валяющийся рулон бумажных полотенец или пакет бумажных салфеток, – совсем не похоже на то, что творится у меня в доме сегодня. Мой мир так разительно отличался от той обстановки, в которой рос Майкл: он привык есть что придется, в их семье не было принято накрывать на стол, и мои привычки неизменно вызывали насмешки с его стороны.

Остроумие Майкла и его резкие, иногда язвительные замечания, конечно, не доставляли удовольствия членам моей семьи. Тем не менее его способность рассмешить меня – особенно когда нам становилось трудно (или когда мы начинали относиться друг к другу слишком серьезно) – и было именно тем, что позволило мне сразу же влюбиться в него.

Беспокойство моей семьи было крайне красноречивым и единодушным, с одним только исключением. Дед Джон Генри увидел что-то в Майкле и немедленно проникся доверием к нему. Это было его мнение, а оно имело для меня самое

большое значение, для меня было большим облегчением услышать, что он доверяет моему внутреннему компасу и что я должна доверять ему тоже.

Жизнь с Майклом была моей судьбой, и я не подвергала сомнениям свою уверенность в этом. Но наша любовь имела и трагические для меня последствия: я должна была порвать с церковью, верой, в которой была воспитана, – с церковью родителей и их родителей и многих поколений моих предков. Я была амиши[1 - Амиши – секта американских меннонитов; основана швейцарцем Якобом Амманом.], – не амиши доавтомобильной эпохи, а амиши, признающей городские удобства. Подобно многим представителям секты того времени, мои бабушки и дедушки хотели пользоваться благами современного мира, сохраняя верность старым традициям и верованиям. Поэтому они образовали новую группу амиши – их иногда называют новые амиши, – которые сохранили веру и жили общинами, но делали некоторые уступки, принимая современный прогресс. Мы носили обычную одежду, пользовались современными удобствами и учились в обычных школах. Но при всем этом церковь не была для нас всего лишь местом, куда ходят по воскресеньям. Она составляла стержень нашей повседневной жизни.

Согласно законам амиши, если ты выходишь замуж или женишься на ком-то, не принадлежащем этой церкви, ты не можешь оставаться членом общины. Мой горячо любимый дедушка Джон сам был в свое время исключен, когда женился по любви. (Хотя моя бабушка тоже была амиши, но из другой общины.) Мой отец не был амиши, но, когда сделал предложение моей матери, он принял ее веру, позволяя ей тем самым остаться в своей общине. Мне, несомненно, казалось трудным нарушить традицию церкви, которая значила так много для меня, тем не менее я всегда была уверена, что традиция амиши устраивать браки среди своих мне просто не подходит. Несмотря на то что мне делали немало предложений выйти замуж, отец (к большому огорчению моей матери) отверг их все. Он тоже не верил в браки по договоренности, и, уж конечно, это было не для его девочек. Как бы я ни любила нашу церковь и наш образ жизни, но если я не смогу выйти замуж за Майкла и остаться в общине, то вынуждена буду уехать, другого выбора у меня не оставалась.

Мальчик

С самого первого дня своей жизни Джейк был любящим и любопытным ребенком. Он рано научился говорить и быстро понял волшебную силу слова «Привет!». Моя сестра Стефани всегда радостно смеялась над тем, как он очаровывал всех гостей в ресторане, просто приветствуя каждого жестом, полным доброжелательности. Он очень любил чучела животных и, бывало, прятался среди них, каждый раз восторженно взвизгивая, когда его там находили.

К тому времени я уже знала, каким нежным бывает Майкл, но все же была растрогана до слез, видя, с каким упоением он воспринял роль преданного отца. Майкл много работал над Целью в то время, но даже если работал за двоих или выходил в ночную смену, он всегда находил в себе силы повозиться с Джейком на огромной куче диванных подушек на полу в гостиной. Одной из самых любимых Джейком игр с Майклом, когда Джейк был совсем маленьким, была игра «поделись куском пирога» – она в основном заключалась в размазывании сахарной глазури по лицу его папы и истерическом хохоте, когда тот пытался съесть свои руки.

Я вернулась на работу в дневной детский центр менее чем через неделю после рождения Джейка. Мне с нетерпением хотелось снова выйти на работу, поскольку я очень ее любила, а то, что мне пришлось провести так много времени в постели, только увеличило мое желание работать как можно больше. Мне не хотелось терять уважение семей, которые доверяли мне своих детей. Несколько дней я дежурила в детском центре с шести часов утра до семи вечера, и Джейк был там вместе со мной. Малыши воспринимали его как малышку Кэббидж Пэтч[2 - Кэббидж Пэтч – популярная в США кукла, каждая из которых имеет индивидуальный облик, имя и даже свидетельство о рождении.]. Они одевали его, пели ему песенки и учили играть в ладушки. Мне было забавно видеть, как проявляется собственнический инстинкт, особенно у некоторых девочек. «Мне придется выплачивать ей зарплату», – сказала я однажды маме одной девочки, когда ее дочь посчитала для себя очень трудным оставить со мной «ее» малыша Джейка.

По некоторым ранним признакам стало ясно, что Джейк очень умен. Он выучил алфавит до того, как начал ходить, и любил рассказывать его наизусть с начала до конца и с конца до начала. К году он уже произносил простые слова, такие как «киса», «авва». В возрасте десяти месяцев Джейк, опираясь на подлокотник дивана, подтянулся и смог вставить свой любимый сидиром-диск в компьютер. На нем была записана его любимая программа, которая называлась «Кот в

шляпе» доктора Сьюза, и у нас сложилось впечатление, что Джейк следил за маленьким желтым шариком, который подпрыгивал над словами, и читал то, что было там написано.

Однажды поздно вечером я увидела, что Майкл стоит у комнаты Джейка после того, как положил его спать. Он прижал палец к губам и жестом подозвал меня. Я тихонько подошла и прислушалась: сын, лежа в кроватке, что-то бормотал – причем, как мне показалось, по-японски. Мы знали, что он знает наизусть весь диск, мы также видели, что он переключает на пульте кнопку выбора языка, но для нас было шоком то, что он запомнил не только слова по-английски, но, совершенно очевидно, также и большую часть испанской и японской версий.

Мы также были поражены его точностью и ловкостью, особенно в том возрасте, когда большинство мальчиков еще учатся жить в этом мире, пробираясь сквозь тернии подобно миниатюрным Годзиллам. Только не Джейк, он, бывало, сидел спокойно, педантично выстраивая в линию свои коллекционные машинки размером со спичечный коробок в безупречно прямую линию на журнальном столике, выравнивая расстояние между ними пальцем. Он выстраивал с помощью тысяч ватных палочек, приставляя их друг к другу, на ковре причудливые, похожие на лабиринты рисунки, которые занимали весь пол в комнате. Но если мы и гордились иногда, когда нам казалось, что Джейк, возможно, опережает своих сверстников, тем не менее не забывали о том, что все молодые родители считают, что их ребенок – самый замечательный в мире.

Однако, когда Джейку исполнилось год и два месяца, мы стали замечать в нем некоторые перемены. Сначала эти изменения не были особенно заметны, и мы могли легко объяснить их причину. Казалось, что он не говорит и не смеется так же много, как раньше, но он мог просто капризничать, устать или у него резались зубки. В тот год у него часто и сильно болели уши, инфекции следовали одна за другой, что также объясняло его нежелание смеяться, когда я щекотала его, или же он мог уйти куда-нибудь, когда я закрывала глаза руками, играя с ним в «ку-ку». Он уже не так охотно возился с папой, его больше не привлекала игра, ради которой он еще совсем недавно бросал любое другое занятие, но мог же он быть просто не в духе. Тем не менее с каждой проходящей неделей мы все больше и больше убеждались, что Джейк становится менее заинтересованным, любопытным и счастливым, чем раньше.

Он больше не был похож на самого себя.

Казалось, Джейк полностью погружается в то, что раньше очень интересовало его. Его всегда привлекали свет и тени и геометрические фигуры. Но теперь его привязанность ко всему этому начинала казаться мне странной.

Мы обнаружили, например, что еще совсем маленьким Джейк очень любил рисунок клетку. В то время у нас как раз было одеяло с таким рисунком, и только эта единственная вещь успокаивала его, когда у него болели уши. Как любая мать постоянно готова дать малышу соску-пустышку, я всегда держала при себе кусок ткани в клетку. Но после того первого года Джейк стал поворачиваться на бок и внимательно вглядываться в одеяло, причем его лицо находилось всего в нескольких сантиметрах от полос, и он лежал так, пока мы не отвлекали его чем-нибудь. Иногда мы видели, как он, сжавшись, неподвижно смотрел на солнечный луч на стене или, лежа на спине, водил рукой вперед и назад, пронзая луч, наблюдая за тенью, которую отбрасывала его рука. Мне нравились и одновременно завораживали ранние проявления его независимости, но теперь его поведение больше не казалось независимым. Казалось, что его полностью поглощает нечто, чего я не вижу.

Джейк всегда был любимцем в моем детском центре, и ему это очень нравилось. Весь первый год своей жизни он провел, рисуя пальцами вместе с детьми детского центра. Он подпрыгивал вместе с ними, когда они танцевали фриз-данс[3 - Фриз-данс – танец с короткими остановками в неожиданных позах.]. Он спал, когда они спали, и ел, когда ели они. Но теперь я видела, что Джейк с большим удовольствием наблюдает за тенями, чем ползает за своими любимыми малышами, и очень часто их отчаянные попытки завладеть его вниманием заканчивались полным провалом.

Майкл был уверен, что я зря волнуюсь, совершенно справедливо утверждая, что дети переживают различные стадии развития.

– С мальчиком все в порядке, Крис. Что бы там ни было, он перерастет это, – подбадривал меня муж, крепко обнимая и прижимая к себе нас обоих, затем ласково щекотал животик Джейка, вызывая у того вопли восторга.

Моя мать первой в семье заподозрила неладное – с Джейком что-то не так, происходящее с ним вовсе не забавная стадия развития малыша. Мы еще не догадывались, что наш идеальный мир уже стал постепенно приходить в упадок.

Что-то НЕ ТАК

Я выросла в центральной части штата Индиана, почти что в сельском доме. У нас даже содержались животные на заднем дворе, обычно куры или коза. Каждую весну моя мама брала какую-нибудь совсем маленькую птицу, которой у нас еще не было. Это стало доброй традицией, и мне она очень нравилась, когда я была маленькой. Теперь, как когда-то, я с нетерпением ожидала, что мы с Джейком продолжим ее. Той весной мама принесла очаровательного утенка. Джейку был год и два месяца, он сидел за кухонным столом в доме моей бабушки, покрывая один за другим листы строительного картона сотнями кружков, которые сам рисовал. Они были красивыми, но какой-то странной красотой, какие-то не такие, более уместные в блокноте архитектора, чем на бумаге, на которой рисовал малыш, которому еще не было и двух лет.

Мама нежно сложила руки, чтобы достать утенка из корзины, и я с трудом могла сдерживать восторг от предвкушения того, что сейчас увижу. Посмеиваясь надо мной, она приложила палец к губам, тихонько подошла сзади к Джейку и положила очаровательный пушистый комочек поверх бумаги, на которой рисовал Джейк.

Но затем произошло то, чего никто из нас не ожидал. Джейк вовсе не пришел в восторг от пушистого маленького утенка, который проковылял в нескольких сантиметрах от его носа. Более того, сын пальцем столкнул утенка с бумаги. Он продолжал рисовать круги.

Мы с мамой снова встретились взглядами, теперь в ее глазах я заметила страх.

– Мне кажется, тебе нужно обследовать его, Крис, – сказала она.

Наш педиатр немедленно провела проверку его слуха, но со слухом у Джейка было все в порядке, хотя к этому времени он уже не всегда отзывался на свое имя, когда мы звали его. Мы все согласились, что пора показать Джейка специалисту по развитию. Врач предложила нам связаться с теми, кто курировал программу «Первые шаги», финансируемую государством, в рамках которой оказывалась помощь и проводилось лечение детей до трех лет, у которых было обнаружено отставание в развитии.

Во время первичного осмотра было отмечено значительное отставание, и «Первые шаги» направили к нам логопеда, который раз в неделю у нас дома стал проводить занятия с Джейком. Несмотря на эти встречи, мальчик с каждой неделей говорил все меньше и меньше, все больше отдаляясь от всех, замыкаясь в своем собственном безмолвном мире. Логопед увеличил число занятий до трех в неделю, это было максимальное число, разрешенное «Первыми шагами» до того, как направить к нам еще и специалиста по развитию. Мы устроили кабинет в кухне, а я купила большой настенный календарь, чтобы следить за всеми назначенными посещениями. К тому времени Джейк уже едва говорил.

Майкл ничего не имел против того количества специалистов, которые приходили и уходили каждый день, но как-то заметил, что, по его мнению, все это лишнее, перегиб – дань времени, чрезмерная реакция.

– Дети развиваются согласно своему собственному четкому графику, Крис. Ты сама так говорила. Еще совсем недавно никто не стал бы устраивать такой переполох по этому поводу. Он переживает определенный этап и самостоятельно перерастет все это. Но если государство желает предоставить нам все эти услуги, чтобы ускорить процесс, – пожалуйста. В этом нет ничего плохого.

Майкл был абсолютно уверен, что, так или иначе, с Джейком все будет хорошо.

В то время я, воодушевленная тем, что нами занимается целая бригада специалистов, тоже была уверена в том, что все образуется. Когда я работала няней с проживанием, один малыш, за которым я присматривала, тоже испытывал трудности с развитием речи, когда был еще совсем маленьким, и я видела, как логопед буквально сотворил чудо за очень короткий срок. Я не сомневалась, что с помощью всех этих специалистов, которые так нам помогали, и нашей усердной работы и терпения наш мальчик «вернется» к нам. Были и другие положительные моменты. Мой детский центр дневного содержания процветал. Он не был похож на обычный детский сад дневного содержания, а скорее напоминал закулисные помещения театра, готовившегося поставить пьесу. У меня никогда не было достаточно денег на то, чтобы купить материалы, необходимые для инициации творческих порывов детей, в хорошем магазине, поэтому я постоянно искала возможности где-нибудь раздобыть нужные нам материалы. К примеру, холодильник мог дать нам несметное число

возможностей, более того, я обнаружила, что люди были счастливы отдать мне вещи, как только у меня появлялось желание их получить.

Не прошло и нескольких недель, как в близлежащих магазинах завели «ящики с предметами на выброс», предназначенные для меня, – коробки, наполненные несметными сокровищами. Магазин, где продавали ковры, обеспечил нас «квадратами», а из магазина канцтоваров мы получили наборы образцов устаревших обоев, а также краски, которые смешали по заказу, но покупатели их по каким-то причинам не забрали, и сломанные кисти. Мы всегда старались сосредоточиться на чем-то одном, будь то проект или приключение: огромная фреска, например, или игра в шахматы, где фигуры были величиной с человека (еще один подарок!), так что детям приходилось собираться в команды, чтобы переставить фигуру. Родители, казалось, ничего не имели против того, что их детишки иногда были вымазаны краской с головы до пят, однажды они видели гигантский искусно выстроенный замок – мы немало времени потратили, конструируя его из частей холодильника. Папы и мамы даже не заметили запачканную одежду, когда их малыши, сияя от гордости, повели их на экскурсию по ярко раскрашенному замку, в котором было несколько отдельных комнат.

Но самым замечательным было то, что я снова была беременна, а Майкл – на седьмом небе от счастья. Начинала сбываться наша мечта о доме, наполненном детьми. Хотя в тот момент я еще не осознавала всего, этот краткий момент вновь обретенного семейного, домашнего счастья станет самым уязвимым в ближайшем будущем. Вся тяжесть того, что происходило с Джейком, – мы не могли ни назвать это, ни понять, – навалилась на меня несколькими неделями позже, когда мы втроем были на праздновании дня рождения одного малыша.

Ничто не доставляет малышам такого удовольствия, как общение с персонажем, которого они знают и любят по книгам или телевизионным передачам, и празднование дня рождения Большой красной собаки Клиффорда в доме нашего соседа не было исключением. Когда огромная красная собака вошла в комнату, все просто пришли в экстаз. Майкл пошутил, что это было все равно что встретить Майкла Джексона во время прогулки.

Ни один ребенок в комнате не мог оторвать глаз от этой гигантской красной собаки – никто, кроме моего сына, который прилип к книжке с алфавитом, которую принес с собой. Мы попытались заинтересовать его – «Посмотри, Джейки, это – Клиффорд!» – но Джейк даже не поднял глаза от книги. В этой

комнате, наполненной веселыми криками детей, украшенной с пола до потолка гирляндами воздушных шаров и лент, где повсюду стояли огромные вазы с конфетами – не говоря уж о почти двухметровом мужчине в костюме лохматой красной собаки, – Джейк был полностью поглощен буквой «К».

Мне стало тревожно.

– Посади его к себе на плечи, чтобы он мог лучше все видеть, – попросила я Майкла.

Он так и сделал, покачиваясь и напевая песенку Клиффорда про день рождения. Но Джейк просто открыл свою книжку с алфавитом и положил ее Майклу на макушку. Тогда Майкл предпринял последнюю попытку завладеть вниманием Джейка: он осторожно распрямил пальцы сына и вручил ему воздушный шар. Джейк посмотрел на красную ленту в своей руке, затем вверх на блестящий, наполненный гелием воздушный шар из фольги и снова уткнулся в книжку. Он медленно разжал пальцы, отпуская ленточку. Я стояла рядом и наблюдала за тем, как мой молчаливый серьезный малыш погрузился в изучение алфавита, тогда как его воздушный шарик медленно поднялся к потолку. В тот момент я поняла, что мама была права. С моим сыном что-то не так.

«Первые шаги» продолжали посылать к нам домой специалистов для занятий с Джейком. Я, конечно, все еще с одобрением и надеждой относилась ко всему этому, но после того дня рождения мои надежды начали таять, как постепенно сдувался воздушный шарик, который мы принесли домой. Я уже не была так уверена, что лечения окажется достаточно, чтобы повернуть вспять то, что происходило с Джейком. Он, казалось, все больше и больше замыкается в себе, и ничто не может остановить его движение по спирали вниз.

За час, проведенный с логопедом, он мог произнести одно слово или звук, иногда случайно, как попугай, повторял слова песни или произносил только что сказанную кем-то из нас фразу. Но настоящего общения с Джейком – даже чего-нибудь отдаленно напоминающего беседу, самую простейшую, как «привет» или вопрос «как дела?», – не было.

Оглядываясь назад, я понимаю, что у Джейка были все признаки аутизма, как его описывают в литературе: постепенная деградация речи, неспособность установить зрительный контакт или вступить в контакт с нами или врачами. Но

это был 1999 год, с экранов телевизоров еще не прозвучали специальные выпуски, еще не было известно, что мы имеем дело с эпидемией. В 1999 году аутизм у всех ассоциировался с «Человеком дождя», я же не видела никакого сходства у моего мальчика с героем, роль которого в фильме исполнял Дастин Хоффман.

Хотя и сегодня я не знаю, как это назвать, но я начала сердцем принимать всю серьезность происходящего с сыном. Но для меня было очень важно сохранять традиции, которые делали жизнь нашей семьи неповторимой.

Одной из таких традиций, и, пожалуй, самой важной, был воскресный обед в доме бабушки и дедушки. Я выросла как раз напротив дома, где они жили. Работа моей матери – корпоративного бухгалтера – вынуждала ее трудиться допоздна, ей часто приходилось ездить в Нью-Йорк, поэтому мы проводили много времени у бабушки и дедушки, которые жили неподалеку. Неугомонный, крайне эксцентричный выдумщик, мой дед больше всего на свете любил играть с нами. Он умел превращать жизнь всех окружающих в бесконечную замысловатую цепь приключений.

Дед Джон Генри был невероятным человеком, он был не только механиком, инженером и изобретателем, но также и умелым мастером и плотником. После службы в ВМС США во время Второй мировой войны он вернулся в свой родной город Мэнсфилд в штате Огайо и стал работать механиком на заводе «Вестингаус», как и его отец. Помимо этой работы дед Джон получил лицензию подрядчика и стал строить промышленные здания и жилые дома. В местных газетах о нем писали как о типичном носителе духа американской нации, человеке способном вершить свою судьбу и сделать нашу страну великой. О том, как он, бедняк, смог стать богатым человеком. Но это было до того, как он проявил себя наилучшим образом.

Когда дедушка начал работать в «Вестингаусе», он не мог не заметить неэффективность в процессе, который называется отжиг. Для того чтобы просверлить отверстие в стальном изделии, рабочим приходилось нагревать металл, чтобы он стал мягче и чтобы резец мог проткнуть его. Довольно часто сталь остывала, и точно просверленное отверстие теряло форму, и тогда весь процесс необходимо было повторять. От этого страдали все производители стали в мире, а зная деда Джона, можно предположить, что это сводило его с ума. Мы никогда не видели его без блокнота, он всегда лежал у него в кармане, и дедушка заполнял его рисунками и чертежами, записывая идеи и проекты, над

которыми работал. Не знаю, сколько времени ему понадобилось, сколько блокнотов он исписал, пока нашел свое решение, но дед Джон и его партнер в конце концов решили эту проблему: они изобрели новый набор инструментов и предложили новый метод, который позволял рабочим сверлить твердую сталь. Это коренным образом изменило ситуацию в мировой сталелитейной промышленности.

Компания «Форд» заметила изобретение деда Джона и была первой, кто купил неисключительные права на него у команды. Они впоследствии также продали это изобретение и другим крупным компаниям, и не существует автомобиля на дороге или тостера на вашей кухне, производители которых не получили бы выгоду от нововведения моего дедушки.

Именно компания «Форд» коренным образом изменила жизнь деда. Дед Джон был немедленно переведен из мастерских в Мэнсфилде в знаменитый Стеклянный дом компании «Форд» в Диаборне, штат Мичиган. Но даже когда он занял должность руководителя, любимым местом деда оставались мастерские. Со временем компания «Форд» предложила ему возглавить отделение на своем самом большом заводе в Индианаполисе, и таким образом он (а потом и все мы) переехали в Индианаполис.

Изобретение и его должность в компании «Форд», которую он занимал, даже когда ему было уже за семьдесят, сделали деда богатым человеком. Но он не стал покупать красивый дом и не отправился в кругосветное путешествие. Дедушка жил в том же самом одноэтажном каменном доме в восточной части Индианаполиса, куда вместе с бабушкой переехал из Диаборна и где прожил до конца жизни, а бабушка живет и по сей день.

Деньги, которые он заработал, позволили деду не работать в течение пяти лет, когда понадобилось помочь моим родителям и присмотреть за Стефани и мной. Каждый день дед Джон отправлял нас в особый волшебный мир. Он был единственным взрослым из всех, кого мы знали, чьи изобретательность и энергия соответствовали нашим. Имея такого деда, мы превращали все богатство нашего воображения в игрушки, а уж они были такими же реальными и материальными, как земля у нас под ногами.

Дед Джон и правда мог построить все что угодно. В то же время, когда помогал поднимать нас, он еще и работал над проектом своей жизни. Один-единственный раз он позволил себе потратить деньги на свою причуду – купил

участок земли рядом с нашим домом, чтобы построить там церковь для коммуны новых амиши в штате Индиана. Строительство этой церкви стало жизненно важным проектом для него. Дед Джон вырос в неблагополучных условиях, но научился столярничать, а когда заработал лицензию подрядчика, не было ничего удивительного в том, что настоял на том, чтобы самому построить каждую скамью в новой церкви. Когда строительная бригада, ответственная за шлифовку и покрытие лаком деревянных перекладин, поддерживающих крышу, выполнила работу ниже заявленных им стандартов, он сам лично все переделал, и вся семья ему помогала – даже Стефани и я, самые младшие. Дед бывал на стройке практически каждый день и чаще всего вместе с нами. Мы играли с сырыми опилками и бракованными шурупами, пока дед Джон отвечал на вопросы или консультировал относительно планов, потом мы отправлялись на озеро, которое тоже принадлежало церкви, там удили рыбу, сидя в лодке, сделанной дедом Джоном своими руками.

Если мы не были на стройке, то находились с ним в его потрясающей гаражной мастерской, где царил ужасный беспорядок. Другие дети, скорее всего, придумали бы, что это мастерская Санта-Клауса, но я привыкла реально смотреть на мир. Там на мощных кронштейнах покоились ароматные доски, которые ждали того момента, когда понадобится сделать люльку для новорожденного или куклу для Стефани или меня. Молотки, скобы и другие не очень крупные инструменты, ручки которых были отполированы постоянным использованием в течение долгого времени, в беспорядке были развешаны на гвоздях на стене. Сделанные вручную дубовые ящики с блестящими латунными ручками открывались, и мы могли увидеть там тысячи винтиков, шайб и болтов всех диаметров и форм, а в застекленном шкафчике хранились лаки и краски, кисти и абразивные бруски, стамески и все остальное, что позволяло деду превращать свои мечты в реальность.

По вечерам, устав после долгого, полного хлопот дня с дедом, Стефани и я проскальзывали в безупречно чистую кухню бабушки Эдди и принимали участие в каком-нибудь спокойном деле. Бабушка была более сдержанна, чем дед, мы помогали ей в конце лета консервировать кукурузу и ягоды и мариновать огурцы. Осенью мы ставили огромные чаны с яблочным соком со специями, который она приготавливала из яблок различных сортов, которые мы собирали в саду. Зимними вечерами мы делали арахисовые леденцы с патокой, кукурузу с карамелью, а когда температура была ниже нуля, варили ириски.

После обеда мы проводили еще час перед сном в гостиной бабушки и дедушки, где могли полакомиться сыром чеддер, яблоками или восхитительными булочками, испеченными в неповторимой манере моей бабушки Эдди. Стефани и я особенно любили эти огромные сладкие булочки, которые бабушка посыпала сахаром и корицей и которые мы называли «заплатки на коленки». Летом приготовленное бабушкой домашнее ванильное мороженое украшалось только что собранной клубникой, а зимой она с верхом накладывала нам в чашки персики, которые законсервировала заранее.

В этой же комнате бабушка учила нас со Стефани шить одеяла из лоскутков, вышивать, терпеливо распутывая разноцветные нитки. Когда воскресным вечером вся семья собиралась к обеду, мы усаживались за стол, который дедушка смастерил сам, отшлифовал и отполировал до такой степени, что можно было смотреться в него, как в зеркало. На столе красовались полотняные салфетки, которые были вышиты женщинами нашей семьи. За тем столом всегда находилось место заботе и доброте, и, конечно, там была любовь.

Учитывая, насколько важны для меня отношения с моими бабушкой и дедушкой, я, вполне естественно, хотела, чтобы Джейк тоже вырос рядом с ними. Поэтому каждую неделю наша небольшая семья присоединялась к ним, как когда-то это делала я.

Майкл, так же как и я, любил эти воскресные обеды. До нашего с ним знакомства он и не знал, как это чудесно входить из зимнего холода в теплый и уютный дом, наполненный одурманивающими запахами жареного мяса и пекущихся пирогов. Он никогда не говорил «спасибо» в День благодарения за столом, украшенным свечами из пчелиного воска, сделанными своими руками, раньше ему никогда не приходилось шутить с родственниками по поводу того, как успеть съесть еду до того, как она остыла. Я видела, что такая обстановка и принятие Майкла в качестве родственника было наилучшим подарком ему с моей стороны.

Майкл не был единственным, кто получал огромное удовольствие от наших воскресных посиделок. Джейк был таким же разборчивым в еде, как и Майкл, и с жадностью набрасывался на огромный кусок яблочного пирога, испеченного бабушкой, и съедал его, а если ему давали еще один кусок, никогда от него не отказывался. Он очень любил возиться с деревянными игрушками, которые дед Джон в свое время смастерил для своих внучек, когда мы были маленькими. Но одна игрушка – мраморный шарик – была его любимой, как когда-то моей. Я была уверена, что, когда Джейк подрастет, я наверняка увижу, как он и дед

Джон будут стоять в гараже, склонившись над записной книжкой деда. Однажды вечером мы с Джейком отправились на воскресный обед одни, поскольку Майкла вызвали на работу. Дедушка обычно встречал нас у двери, но в тот день его там не было. Я подумала, что он, вероятно, возится с каким-нибудь своим проектом или моется. Бабушка не разрешала ему даже приближаться к столу, пока он не смоет с себя машинное масло и стружку, воспользовавшись куском жесткого черного мыла, и не наденет фланелевую рубашку, которую она всегда аккуратно утюжила и держала наготове. Но когда он наконец появился за столом, я была потрясена, увидев, что он сидит в инвалидном кресле. Весь предыдущий год он страдал от высокого давления, и у него случилось несколько ударов, к счастью незначительных, но мы заметили, что он постепенно сдает. Но, даже зная об этом, я была шокирована, увидев, что он стал слишком слаб даже для того, чтобы стоять. У меня сжалось сердце. Тем не менее дед с гордостью продемонстрировал моему брату Бену чудеса техники, которой было снабжено кресло, и у меня отлегло от сердца, когда я увидела, что он такой, как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Амиши – секта американских меннонитов; основана швейцарцем Якобом Амманом.

2

Кэббидж Пэтч – популярная в США кукла, каждая из которых имеет индивидуальный облик, имя и даже свидетельство о рождении.

3

Фриз-данс – танец с короткими остановками в неожиданных позах.

Купить: https://tellnovel.com/ru/barnett_kristin/iskra-bozh-ya-ili-kak-vospitat-geniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить